

ТЕНИ СВЕРШЕНИЙ

— “Весь горизонт в огне и ясен нестерпимо”... Да, иная ясность бывает нестерпимой... Знаете ли — перед обвалом бывают потрескивания? Быть худу... В мире все неблагополучнее. 25 миллионов безработных. 150 миллионов франков — слышите ли — в день (это в одной Европе) на подготовку к новой кошмарной бойне.

— Ну, работница то найдется. Надо же какнибудь ликвидировать безработных то. Вот их и стравят между собою. И хлеба дадут солдатского и зрелищ апокалипсических. Только нынче перемена программы. Новая постановочка. Трюки уничтожения столиц, населений маленьких стран в несколько минут. Лучи Дьявола, газы Люцифера, Сатаны и всех чертей, вместе связанных хвостами. Предельный кровавый хаос. Мы с вами и пикнут не успеем, как соединимся с мировой идеей. Вздохнули этого прозрачного, ничем не отличающегося от обычного воздуха, ниспосланного свыше и кончено.

— Вот, вот. Кажется и впрямь божьи родственнички не успокоются, пока земля не треснет. Мало ли что придет в голову. Какойнибудь гениальный взрыв, с расколом земли надвое. Пора бы положить предел злему творчеству. Недаром Р. Бэкон, который изобрел порох до Шварца, записал формулу в анаграмме, расшифрованной только через семь веков. Но не лепее ли было б эти миллиарды ахнуть на этих же безработных, вложить в их же культуру, заткнув им глотку?

— Ну, знаете, нищих всегда имеет, а такие феерии не всегда. Разрешите, все-таки, хозяевам быть у себя дома. Ведь девять десятых человечества в гостях у одной десятой. Просят — не засиживаться...

— И все это на глазах всего честного, возлежащего на эсте-

тической кушетке, интеллигентского народа. Мирская совесть. Хо - хо. Интересно было бы на эту бактерию взглянуть под микроскопом, какая у нее рожица. Я, лично, предлагаю следующее: 1) учредить символическое кладбище с двенадцатью миллионами — и даже тридцатью, если считать и последствия войны — крестов, 2) вотирующие войну депутаты имеют на нем собственноручно заготовить себе, при лунном свете, могилки с отосланием — сие в 3) — этих вояк на линию огня.

— Бросьте наивничать. Вы просто не продумали до конца. Человечество — икра. Ну и пусть себе с Богом, леший намазывает ее себе на бутерброд. В вечности нет жалости, ибо все восстановимо. Этого добра много. Бабы нарожают. Плазма, кисель жизни растет себе, в ус не дует. И растет то потому, что пожирает жизнь. Сегодня ты, а завтра я. А знаете ли, что в каждом квадратном аршине земли 22 мертвеца? Земля — исполинское кладбище, набитое, как сардинками, трупами. Я уверен, что процессы жизни, а стало быть и смерти, будут в будущем регулироваться научно. Отбор и уничтожение, отбор и уничтожение. Это и будет путь на курьерских к сверхчеловеку.

— Пока что, ваш европейский разум работает, как будто, только на смерть. **“Низложит его собственный замысел его”**. — Это Иов неплохо сказал. Факт тот, что сейчас ослепительно ясно: управлять миром вы не умеете. А ведь случится непоправимое — и, как всегда, решительно на всех нападут другие, первые, и всем придется обороняться — все завоюют: вот видите, мы предвидели. Право, наши тьюторы смахивают на того адвоката, который, получив с обеих сторон и обезпечив себе стопроцентный выигрыш, сложил руки. Ведь они предрекают исподтишка и то и другое. Но разве провалившийся на экзамене жизни мудрец не протягивает сразу знака равенства к обывателю? Простите, но я чертовски устал от ига ваших неудач. Не сегодня - завтра вспыхнет все снова, как солома и понесет нас опять ветром куда нибудь на Сандвичевы острова. Не знаю, как вам, а мне это начинает надоедать.

— Что ж это вы “знамени врага отстаиваете честь”?

— Нимало. Но если общество организм, а не механизм, то ваше уединение клеточек есть бунт против целого, состоя-

ние преддраковое, но уже роковое, за которым идет распад, положение раковое. Не потому ли реакционеры и пятятся назад?

— Эх, пора бы вам уж вылезать из детских штанишек. Соловьев, в послесловии к “Трем разговорам”, вспоминает, что когда он в молодости, как водится, грезил о новом социальном классе, выходящем на арену истории и пробовал заговаривать об этом со своим отцом, то последний, молча, делал только движение носом, коему соответствовало крайнее зловоение... Опять же и Блок, с которого вы начали, кончил по есенински: в предсмертном стихотворении писал — “прости, о Лео, что не сразу я понял нечисть и проказу” и потянулся снова к “благовонным садам” Христа. Уж вы меня извините, но кровавый то флаг он Ему всунул так же, как революция всунула красный флаг Екатерине в садике перед Александринкой. Сменили ей вежу — приказали, стала акушеркой. Так и стояла с год. Обычно — все про венчик... А ведь шествие то замыкалось голодным псом. В нем то собака и зарыта. Это Блок тонко узрел. А когда пес и вовсе взбесился и с болтающимся и брызжущим пеной — это вместо роз то — кровавым языком выбежал вперед, Блок и написал про нечисть. Но потому то нас и съели “собачие”, что мы еще не съели собаки в революции.

— Он просто, как поэт, и об этом он тоже прекрасно сказал, слушая музыку сфер, должен был оглохнуть ко всему, что не музыка. Но неужели вы не чувствуете в революции патетической, героической и пленяющей мелодии общего? Я так знаю, что не наши блага томят и бесят низы, а частое отсутствие у нас прав на них. А там, где ранит сердце идея справедливости, там и красота, вот эти пресловутые розы, хоть и изрядно потрепанные. Как хотите, это Его идея и сами вы виноваты, что ее у вас похитили, ибо кто же сгубил ее, как не вы, — мы, чтоб не было обидно. Когда то, во втором веке, Тертуллиан восклицал: “мы родились только вчера, а уже наполняем мир, мы предоставляем вам — язычникам — только ваши храмы”. А сейчас. Не наоборот ли? Да и то, что наполняет храмы — если наполняет — само то не пусто ли, по чести. Какие своды в их душах? Язычники — это еще для нас лестно... “В личине Бога укрылся ужасный кольчатый червь ваш”.

— Надо быть прямо слепым, чтоб не замечать грандиозного ускорения инерции материальной культуры, в которую вложена громадная, хоть и трезвая, интегрирующая мир духовность. Чудеса — явление духа. Это “стоит обедни”.

— Поймите, что безмерно скучен ваш одурманивающий грохот, “железный скрежет”, свистопляска эгоизмов в всеобщем темпе фокс - трота, ничего не рождающие, кроме взаимной злобы. У нас нет с вами общих интересов и, самое главное, мы не уважаем больше общества, в котором имеем несчастье жить. Оно нам мерзко эстетически, этически и даже этнически, ибо это лжебратия, не - братия, супостаты. В пустоту своего подвала оно и провалится. “Купеческая мораль есть ничто иное, как более умудренная мораль морского разбойника” — Ничше, конечно не вашей оперы — ну, а когда на пилатовский вопрос даются пиратовские ответы — где то совсем близко и суд Линча. Надо быть именно слепым, чтобы воображать, что “гости” не заметят, что 70% бюджета, их бюджета, уходят на военные нужды, а из оставшихся 30%, опять 70% идет на продукцию роскоши, так что на подлинно народные нужды остается всего около 10%. То есть, в сущности, что проработавший 50 лет — только 5 работал на себя. Что право на труд — только право на труп. Это, батенька, не социализм и, вообще не какой бы то ни было изм, а элементарная логика и здравый смысл, в котором вы хотите рабочим почему то отказать. Но уже поздно.

— А все-таки, слона то вы и не заметили. Все вы — потомственные почетные трагики — просто неудачники. Ничего то вы не умеете, потому и цена вам грош. Вот Шевалье — за фаллические песенки за две недели миллион взял. Старого мира вы не пересидите, анабиотики вы этакие, эмигранчи перелетные и неприкаянные, сколько бы ни каркали.

— Стало быть мальчишки, вычерчивающие на заборах, выводят тоже своего рода анаграмму буржуазности... Нет, мы скорее — трансмигранты. Через ожидание — на глухой здешней пересадочной станции, вроде Бологого — не возврата, но новой ступени. Через пустоту сегодня к осинности свершений завтрашнего.

— “Аркадий, не говори красиво”. И пожалуйста, без обших мест, без впадений Волги. Новая жизнь — это звучит гордо, но вы постройте сначала хоть макет, модель, опытное поле и докажите, что вы чего то очень важного не проморгали. Но вы этого боитесь, так как знаете, что все такие опытные поля оскандаливались неукоснительно. Так было — так будет и впредь всякий раз, когда человек поперет против рожна, т. е. рождения органической равнодействующей сил - победительниц с их естественным отбором. Вводя социальные жмыхи в тесто, вы думаете повысить качество. Это невозможно.

— Тут у нас совпадение. Вот как раз то паразитирующую шелуху мы и стремимся отвеять. Спор о праве суживается до спора о факте. Он и разрешится силою, т. к. факт категория силовая. Готовьтесь.

— Нечего и готовиться. С нами логика вещей. Это непробиваемый панцырь. И в подсознании вы его страстно жаждете. Попросту говоря, вы в жизни пропуделяли, плохо играли, не те ходы делали. Все химеры, утопии, фантазии измышляли, а ничегошеньки, даже пуговицы не изобрели. И не потому вас затерло, что мир не понял вашей души, а потому, что вы не поняли души мира. Это, как прачки певали: но ты мне душу предлагаешь — на кой мне чорт душа твоя. Можно было славировать и все кризисы обойти на кривой, только нужно было уметь закраивать свою жизнь. Вот, в производственной иерархии отсеивающий кризис вас всех и сдувает на улицу, как некую невесомость. В сущности мир до сих пор держался на диктатуре изобретательства. Сами нации — только горящие разным блеском очаги изобретательских потенций. Образование в толще народной стерильных, в этом смысле, пустот и завивает вихри победоносного... проигрыша.

— Ну, тогда и революция изобретательский вам сюрпризик уготовила. Неужто вы не чувствуете, что идет кризис не производственный, а самой структуры, формулы общества. Мы подходим к последнему рубежу. Прежние войны — шутки. Считая с Наполеона, на них ушло всего сто сорок миллиардов. Последняя мясорубка стоила тысячу восемьсот двадцать миллиардов золотых франков. Целый сказочный сон

жизненных возможностей. Воплощение лазоревых Эдемов, если б они действительно кого нибудь интересовали... И что же? Снова хотят нас выкупать в крови, заставить глотнуть этой адской сивухи. Воистину — питье из соленого источника. Но горе нам, если объединять начнет само горе. Интернациональное горе уже рождает незримого воина. Очевидные истины — серы. Поражает лишь дерзкое их опровержение — чудо. Вывернутое наизнанку общество и есть путь социального парадокса, приклеивающего скрытую за ним глубинную мысль к плоскому сознанию. Чудо революции и дано историей, чтоб будить спящих. Ужасы не прейдут, “пока время наций не свершится”. И тени этих свершений уже нашли на нас. Скоро уж две тысячи лет стукнет этой правде, перечеркнувшей национальные вертикали классовыми горизонталями, взаимно их похерившей. Это и есть крест, плюс, т. е. отрицание минуса раздора, нуля уединения и утверждение, на разбитых цепях летаргии бесцельности, — литургии общего дела. “Пропала Рассеичка, загубили бедную, новую найдем Россию — всесветную”.

Я. Меньшиков.